

В глубине узкого переулочка Чуя Накахара поднял свои кобальтовые глаза и пронзительным взглядом окинул окрестности.

Это был Токио, но совсем другой мир. Стоя под эстакадой, Чуя недовольно цокнул языком. В его памяти он только что праздновал окончание Конфликта Драконьей Головы и пил с подчиненными, но стоило моргнуть — и он оказался в совершенно ином месте.

Чуя сунул руки в карманы брюк, его лицо выражало смесь ярости и праздного любопытства.

— Похоже, здесь замешан эспер пространственного типа... — пробормотал он.

Черный костюм подчеркивал его стройную фигуру, а чокер на шее придавал облику вызывающую дерзость.

— Эй, мелкие крысы, что попрятались по углам! Вы уже решили, готовы ли принять на себя тяжесть гравитации?

Хмельной дурман еще не до конца выветрился из головы, и Чуя даже не осознал, что находится не в своем мире. Рывкнув это с нескрываемым раздражением, он окутался едва заметным алым сиянием.

Бетон под его ногами с грохотом просел. Мрачная, жестокая аура мафиози слилась с лунным светом, и казалось, будто кровавый оттенок пропитал саму луну.

Сакаи Аракава, свернувшись калачиком на диване в конспиративной квартире и прижимая к себе подушку в виде черной кошки, внезапно почувствовал исходящую откуда-то издалека яростную ауру Чуи. Он был так потрясен, что его узкие глаза широко распахнулись, придав лицу глуповатое выражение.

Подожди! Чуя, ты что, серьезно умудрился опьянеть от одного лишь самовнушения, что ты пьян?! Аракава в очередной раз убедился в своеобразии алкогольной выносливости Накахары.

В конце концов, быть исполнительным директором Портовой мафии и напиться, просто обманув собственный мозг — это же надо быть таким слабаком!

— Мори-сан! Где сейчас Чуя-кун, решать вам!

Аракава связался с Мори через сознание, совершенно не заботясь о том, чтобы переложить ответственность на чужие плечи.

Огай Мори, сидя в своей мрачной клинике, обреченно вздохнул, и прядь черных волос скользнула по его щеке.

— Элис-тян, Аракава-кун совершенно не щадит сон пожилого человека.

— Пф, Ринтаро, ты же сам в восторге, — белокурая лолита в красном платье, лежа на полу, увлеченно рисовала что-то в альбоме. — Чем больше людей сюда попадает, тем выше шансы, что Йокогама в конечном итоге уцелеет. Конечно, лучше, если это будут наши люди из Портовой мафии.

— Ох, Элис-тян такая милая, что на нее можно смотреть вечно. Хорошо, что у нас есть доступ к камерам наблюдения в Токио, не так ли? Элис ведь тоже очень скучает по Чуе-куну?

— Конечно! Чуя покупает мне пирожные, а не пристаёт к маленьким девочкам, заставляя их носить дурацкие платья, как один извращенный дядька! — Элис уперла руки в бока и посмотрела на Мори с нескрываемым презрением. — И Аракава-чан тоже — ему достаточно просто побыть со мной. А ты, извращенец, так и будешь сидеть в своей клинике, пока у тебя не выпадут последние волосы из-за проблем с документами!

— Элис! Даже когда ты злишься, ты выглядишь очаровательно! — Мори закружился вокруг нее, и вокруг него, казалось, зацвели виртуальные цветочки.

Элис перекосило от отвращения. Маленькая лакированная туфелька с силой наступила на ногу Мори, который все еще пребывал в своем странном экстазе.

— Больше не смей ко мне подходить, Ринтаро!

Мори, вытирая слезы платком, заныл:

— Элис-тян, ну зачем же так? В следующий раз я куплю тебе твое любимое пирожное, хорошо?

— Я хочу, чтобы мне купил Аракава-чан! Он ведь даже Рампо-куну покупал газировку!

— Ну-ну, Элис-тян, ты ведь тоже считаешь, что Аракава-кун слишком предвзят, не так ли? — Мори сложил руки, и в его винно-красных глазах блеснул расчет. — Даже будучи председателем, нельзя быть настолько несправедливым!

Только в такие моменты в Мори можно было разглядеть истинного босса Портовой мафии. Столько жестокости и крови, столько хитрости и амбиций, сплетенных воедино с любовью к Йокогаме. Он сделал статус босса рабством для самого себя, посвятив жизнь защите этого города — единственного места, где бездомные псы могут сбиться в стаю и выжить.

— Верно. Аракава-чан мне еще ничего не покупал. Ринтаро, раз уж Чуя вернулся, пусть Аракава-чан пришлет сюда его мотоцикл. Чуя будет счастлив, это станет отличным подарком из другого мира.

— Ты права, Элис.

Рисунок на полу был небрежно отброшен в сторону: пять черных небоскребов, словно гигантские руки, молчаливо и давяще возвышались над землей Йокогамы.

Аракава клевал носом. Как только вопрос с Чуей был решен, сонливость накрыла его с головой. Несмотря на две выпитые банки кофе, сил совсем не осталось.

Па-дам.

Зажегся свет, и послышались тяжелые шаги. Аракава с трудом приоткрыл глаза. Перед ним мелькнули серебристые волосы, а воздух наполнился горьким запахом табака.

— Йо, Джин, ты вернулся.

Аракава пробормотал это и снова бессильно уткнулся в подушку.

— Водка, проверь дом.

Джин стоял прямо перед Аракавой, источая смертоносную ауру. Холодное дуло Беретты уперлось парню в висок.

— Спиритус, твоя бдительность окончательно сгнила? Если так сильно хочешь умереть, я могу помочь.

— Не хочу, Джин, ты слишком серьезен, — Аракава с усилием открыл глаза и надул губы. — С таким характером тебя никто никогда не полюбит.

Полюбит? Джин усмехнулся. Подобные чувства делают человека слабым и никчемным, а лучшему киллеру они не нужны.

— Вставай. Будь я врагом, ты был бы уже мертв.

Темно-зеленые глаза Джина потемнели от ярости. Глядя на этого мальчишку, который выглядел настолько расслабленным и безжизненным, Джин почувствовал, как у него

подскочило давление.

Аракава дернулся, когда ствол снова ткнулся ему в голову, и снова бессильно осел.

Тупой, как домашний кот.

Джин с холодным равнодушием надавил сильнее. Дуло скользнуло по щеке парня, который отчаянно боролся со сном, и уперлось в уголок губ.

Почувствовав ледяной металл, Аракава распахнул серые глаза — влажные, затуманенные сном. Его ярко-красные губы приоткрылись.

— Что ты делаешь, Джин?

Тень перед ним слегка подалась вперед, и ладонь Джина накрыла левый глаз Аракавы. Широкая, мозолистая рука с силой надавила на покрасневший уголок глаза, словно желая подчинить его своей воле. Нежная кожа тут же вспыхнула, а из глаз невольно брызнули слезы.

— Мгх! — от боли Аракава дернулся в сторону, и ствол, упирившийся в губы, случайно ткнулся глубже.

Теперь Аракава, окончательно проснувшись от дискомфорта, вжался в спинку дивана. Его левый глаз ничего не видел из-за слез, и он попытался отстраниться вправо, но из-за резкого движения ствол пистолета только глубже вдавился в губы.

Поняв, что именно касается его рта, Аракава покрылся мурашками. Не от страха перед выстрелом, а от мысли, сколько людей убил этот пистолет и сколько крови на нем побывало.

Фу! Грязно, грязно, как же грязно!

— Убери! Джин, ты что, смерти ищешь?

Его приоткрытый рот был слегка придавлен, и при попытке заговорить влажный кончик языка случайно коснулся холодного металла. Из-за отвращения голос Аракавы дрогнул, прозвучав почти как капризная мольба.

Темные глаза Джина стали еще мрачнее. Он с насмешкой надавил на глаз парня еще сильнее.

Этот изящный, кукольный юноша был в его руках. Что бы он ни говорил, как бы ни вел себя — все это было лишь следствием его, Джина, контроля. Осознание того, что он держит на коротком поводке этого почти божественного юношу, приносило Джину странное

удовлетворение, смешанное с издевкой.

Тот самый мальчишка, который когда-то смотрел на него свысока, изучая как объект, теперь полностью принадлежал ему.

Джин, словно успокоившись, слегка запрокинул голову, и серебристые пряди коснулись носа Аракавы. Раздался едва слышный холодный смешок.

Затем он убрал пистолет. Большой палец прошелся по еще теплomu дулу, и аура хладнокровного убийцы начала медленно угасать.

— Брат, в доме чисто, — Водка вышел из спальни и замер, глядя на их противостояние.

Ну вот, опять! — внутренне взвыл Водка. — Почему они вечно сцепляются, как только видят друг друга? У них что, ауры несовместимы? Определенно!

<http://bllate.org/book/21255/2151447>